

ЗАБОНШИНОСӢ

УДК:4и(англ)+ 4 р+03+4 тадж(03)

ДЖАМШЕДОВ П.¹

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА (Опыт анализа категории вида таджикского глагола)

Статья посвящена проблеме вида глагола в таджикском языке. Автор указывает, что в системе таджикского глагола грамматическая категория вида представлена, но по своей структуре и по своему содержанию отличается от вида славянских и иранских языков. Памятуя о принципиальных отличиях данной грамматической категории можно говорить о большем соответствии таджикскому языку термина «разряд».

Ключевые слова: вид, время, значение, семантика, глагол, грамматическая семантика.

Описание функций грамматических форм, как известно, требует определенного метаязыка, некоторой системы терминов и понятий, которые являлись бы достаточно устоявшимися и применимыми для различных языков. В действительности такие термины практически формируются в процессе описания того или иного конкретного языка, а затем применяются для описания других языков.

Специальные понятия, складывающиеся при анализе одного языка, затем более или менее механистически применяются для фиксации результатов анализа какого-либо другого языка. Примеры подобного описания функций с помощью заранее данной системы понятий изобилуют в истории языкознания. Система древнеиндийской грамматики механически использовалась для описания тибетского языка; строй персидского языка описывался с помощью метаязыка арабской грамматики; хрестоматийными стали примеры неудачного приложения латинской грамматики к описанию фактов различных аналитических языков Европы. Во многих ситуациях эта практика не изжита до сих пор. Её можно охарактеризовать как упрощенное, не-диалектическое применение принципа сопоставления при описании функции языковых форм.

Принцип сопоставления, как таковой является самым мощным, если не единственным средством, позволяющим устанавливать значение и функции форм языка. Необязательно сопоставлять факты различных языков: самое элементарное описание языковых явлений основывается на синтагматическом или парадигматическом сопоставлении фактов одного или того языка. Исследований неродного языка немислимо без опоры на явления родного языка. Поэтому упоминающуюся выше практику «неудачного» сопоставления нельзя квалифицировать как ошибочную, это - закономерный этап в развитии науки о

¹ Адрес для корреспонденции: Джамшедов П.–доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Академии наук РТ. 734025, Душанбе ул. Турсунзаде 51 кв16 Тел.:19002053

языке. Вместе с тем в настоящее время, в дни расцвета контрастивной грамматики, одного из наиболее бурно развивающихся перспективных направлений современного языкознания, невозможно представить функциональный анализ каких-либо фактов одного языка без строгой процедуры сопоставления их с необходимыми фактами других языков.

Это требование вызвано, в частности, тем, что современная лингвистическая теория развивается на материале самых различных языков, данное обстоятельство нельзя упускать из вида при применении тех или иных теоретических положений и схем анализу одного конкретного языка. Поэтому контрастивная грамматика оказывается одним из важнейших направлений, обращение к которым отнюдь не бесполезно для функциональной грамматики.

Соотношение функциональной и контрастивной грамматики может быть показано на примере анализа категории вида таджикского глагола. Вид, как грамматическая категория, выделяется далеко не во всех грамматиках современного таджикского языка. Ряд исследователей продолжают, по-видимому, традицию описания персидской грамматики,- при этом вид не выделяется как особая грамматическая категория, хотя, разумеется, видовые значения («видовременные значения») соответствующих глагольных форм описываются достаточно детально [12]. Другие исследователи ориентирующиеся скорее на традиции русской грамматики, выделяют вид в качестве особой грамматической категории и описывают весьма различные средства её выражения [13]. Детальный обзор интерпретации явлений аспектуальности для таджикского глагола дан Н.Хамроалиевым, принимающим для таджикского языка видовую систему, более или менее изоморфную английской [8]. При таком положении, естественно возникает необходимость внимательного критического рассмотрения данной проблемы.

В качестве точки отсчета необходимо выбрать достаточно однозначные и конкретные определения того, что такое вид. Общепринятые определения вида принадлежат Ю.С. Маслову. Важно, что Ю.С. Маслов чётко разграничивает две стороны данного явления. С одной стороны им даётся общая характеристика сферы видовых значений. Опираясь на теорию А.М. Пешковского Ю.С. Маслов пишет, «что аспектуальные значения показывают как протекают во времени или как распределяются во времени глагольные действия. Конкретно речь идет о таких значениях, как длительность (мгновенность, прерывистость), непрерывность, наличие (отсутствие внутреннего предела действия) и многое другое».

Кроме того Ю.С. Маслов указывает, что « в отличие от темпоральных значений аспектуальные значения не имеют дейктической, локализационной функции. В аспектуальных значениях идея времени проявляется иначе- как внутреннее, ингерентное свойство самого выражаемого действия [9].

Необходимо отметить, что определение значения вида, данное Н. Масуми , принципиально не отличается от приведенного выше: «Глагольный вид выражает совершение действия в определенный момент времени или в определенных границах, завершенность действия, а также длительность и многократность действия и состояния» [5].

Чрезвычайно важно однако, что Ю.М. Маслов не ограничивается семантической характеристикой вида и даёт, с другой стороны, определение того, в каком случае вид является грамматической категорией.

Иначе говоря, необходимо четко разграничивать семантическое поле аспектуальности и грамматическую категорию вида. «О виде можно говорить только там, где какие-то аспектуальные значения в пределах большей части

(иногда и всей) глагольной лексики получают регулярное выражение посредством парадигматически противопоставленных друг другу грамматических форм одного глагола» [9,24]. С точки зрения того, что является ли вид применительно к таджикскому языку до сих пор никем не рассматривался. Поэтому в данной статье будут разобраны выделенные различными исследователями в таджикском языке способны выражения аспектуальности с точки зрения того, на сколько они грамматичны в сравнении с аналогичными явлениями в языках, привлекаемых для сопоставления.

Наиболее чёткое аспектуальное противопоставление обнаруживается в таджикском языке между формами простого прошедшего времени (замони гузаштаи оддӣ) и длительного прошедшего времени (замони гузаштаи ҳикоягӣ/давомдор).

В.С. Расторгуева пишет, что в форме простого прошедшего видовая характеристика действия... совсем не отражена; она лишь констатирует тот факт, что действие совершалось в прошлом. Какого характера было это действие, как оно протекало, было ли оно длительным или кратким, однократным или многократным, совершенным или несовершенным, в этой форме не отражено. Все это может быть выявлено только из контекста [12,41]. Отметим, что в параграфе, посвященном разбору этой формы, приведено 52 таджикских предложения с русским переводом. Из них русская глагольная форма несовершенного вида; употреблена 19 раз, в случаях используется глагольные формы совершенного вида; в девяти остающихся случаях форма простого прошедшего времени имеет значение модально-окрашенного будущего времени. В качестве типичных могут быть приведены следующие, даваемые В.С. Расторгуевой, примеры:

А) *Кор дар аввали баҳор саришуда, тамоми тобистон давом кард.*

«Работа, начатая с весны, продолжалась всё лето» [12,46]:

Б) *Салом холаҷон! – гуфт Дилбар ва тохта омада, аз руҳои вай бӯсид.*
«Здравствуй милая тетушка! - сказала Дилбар и, подбежав к ней, поцеловала её в щёки» [12, 41-42].

В) *Ҳамин ки ба кишлоқ расидам, вақти бекорамро фақат ба хондан сарф мекунам.* « Как только я приеду в кишлак свободное время я буду тратить только на учебу» [12,46].

Такое распределение соответствий ясно показывает, что форма простого прошедшего времени таджикского глагола не имеет видového значения, подобного например, форме русского прошедшего несовершенного времени.

Ещё сложнее дело обстоит с формой таджикского длительного прошедшего времени. По определению Расторгуевой, эта форма сама по себе связана лишь с самым общим представлением о протяженности действия во времени или о его длительности, без более конкретного указания на характер его протекания» [12,48].

Своеобразие данной глагольной формы состоит также в её достаточно чётко отграниченном модальном значении нереальности; имеется возможность в качестве крайнего случая говорить о двух омонимичных глагольных формах, одно из которых относилось бы к изъявительному наклонению, другое -к условно-желательному наклонению. Существует, конечно, другая возможность интерпретации, основанная на том, что значение прошедшего времени и модальности часто выражается одними и теми же формами; [16,73] тогда те глагольные формы- как лишённые данного признака абстрактной аористичности. Здесь, впрочем, целесообразно ограничиться рассмотрением того, как соответствует русским переводам приводимые В.С.Расторгуевой примеры, не имеющие модального значения. Таковых в соответствующем параграфе приведено

21 и все они передаются русскими глаголами в форме прошедшего времени несовершенного вида, например: *Ҳар чӣ чаши кор мекард, бог медид, бўстон медид, майдони кишт медид*. «На всем пространстве, которое можно было окинуть глазом, он видел сады, видел огороды, видел посевы» [12,48].

Таким образом, глаголы русского прошедшего времени несовершенного вида соответствуют как таджикским формам прошедшего простого времени, так и формам прошедшего длительного; русские формы прошедшего совершенного передаются таджикскими глаголами, как маркированное обычно рассматривается прошедшее совершенное: для таджикского глагола, в соответствии с детальным анализом В.С. Расторгуевой, маркированной следует считать форму прошедшего длительного времени. С точки зрения отсутствия в этой форме признака абстрактной аористичности следовало бы применять в качестве маркирующего признака значения конкретно- субъектное.

Видовую оппозицию таджикских форм прошедшего простого и прошедшего длительного, следует несомненно считать вполне грамматической. Она репрезентирует грамматическую категорию, однако по своему содержанию данная грамматическая категория существенно отличается от категории вида русского глагола. Возможно, что данная грамматическая категория имеет сложное темпорально- аспектиально- модальное содержание.

В качестве специального средства, хотя и устаревшего, для выражения совершенного вида Н. Масуми приводит глагольные формы, образованные от основы прошедшего времени с помощью префикса *би-/бу-* [5,270]. Вопрос о функциях префикса *би-/бу-* как в современном таджикском языке, так и в классическом таджикско-персидском языке очень сложен. Характеризуя употребление этой морфемы в современном таджикском языке, В.С. Расторгуева отмечает что «в языке прессы, языке научной литературы она вовсе не употребительна. В разговорной речи, она является преимущественно принадлежностью говоров, распространенных на юге и частично в центральной части Таджикистана. В северных таджикских говорах, а также в разговорном языке интеллигенции она отсутствует» [12,27]. Кроме того В.С. Расторгуева указывает, что в современном литературном таджикском языке приставка *би-* и её фонетический вариант *бу-* употреблены преимущественно в поэзии, причем только в двух глагольных формах – в повелительном и в аористе» [12,27]. Затем В.С. Расторгуева отмечает тот факт, что в двух глаголах: *омадан* «приходить» и *овардан* «приносить», приставка *би-* стала частью основы настоящего времени, не придавая ей никакого дополнительного значения» [12,27] Из всего этого следует, что в настоящее время приставка *би-* никак не может рассматриваться как видообразующее средство. Следовательно, основы прошедшего времени, с приставкой *би-* в современном языке не могут считаться членом какой-либо видовой оппозиции. Мало того, точки зрения о том, что данная приставка в классическом языке «была прямо противоположной приставке *ме-*, т.е. указывала на однократность, категоричность, совершенность действия» [12,27] нуждается в уточнении после специальных исследований Ж. Лазара. Он установил, что глагол без приставки *би-* составлял интонационное и синтагматическое единство с каким либо другим членом предложения, присутствие же приставки выделяло глагольную форму, скорее всего – в плане актуального членения [17, 298-300].

Таким образом, мы во всяком случае не имеем достаточно оснований, чтобы говорить о видовой функции приставки *би-* даже для классического таджикско-персидского языка.

3. Возвращаясь к функции приставки *ме-*, различающей прошедшее длительное (замони гузаштаи ҳикоягӣ) от простого прошедшего (замони гузаштаи оддӣ), следует указать на то, что она действительно должна рассматриваться как видообразующее средство и применительно к другим глагольным формам. Все исследователи указывают на значение длительности, присущее, например, аналитическим глагольным формам, образованным с помощью причастия настоящего-будущего времени (типа *мехондагӣ*) [12,178-179; 5,273-274]. Необходимо подчеркнуть, что видовое значение в данном случае может рассматриваться как грамматическое, категориальное, лишь когда речь действительно идёт об аналитических глагольных формах, состоящих из данной причастной формы и какой-либо формы прошедшего времени вспомогательного глагола шудан «становиться» [3]. При этом данное глагольное словосочетание обладает специальным акциональным оттенком возникновения, становления некоторого постоянного свойства, выраженного причастием [11,191]. Например: *Аскарони сурх тез-тез ба деҳаи мо омадани шудаанд*. «Красноармейцы стали часто приезжать в наше селение» [11,191].

Что касается самого причастия настоящего-будущего времени (типа *меходнагӣ*), равно как и личные глагольные формы настоящего будущего времени (замони хозира-оянда-мехонам), то в них приставка *ме-* не имеет аспектуального содержания. Эти формы не могут рассматриваться как длительные, поскольку существуют специальные «определённые» глагольные формы с вспомогательным глаголом *истодан*, одной из функций которых является указание на протекание действия в момент речи. Здесь нужно учитывать также то, что видовое противопоставление различается в зависимости от отнесенности действия к настоящему или к прошедшему времени. Значения совершенности, достигнутого предела, однократности и т.п. не могут сочетаться со значением настоящего времени, поскольку они так или иначе требуют взгляда на действие «со стороны». Отнесенность же действия к настоящему времени предполагает включение его в ситуацию *его-пунс*, актуальное участие в нём субъекта.

Поскольку таджикская глагольная форма, образованная от основы настоящего времени с приставкой *ме-* имеет не только значение настоящего времени, но и значение будущего времени, то по аналогии с русским языком можно было бы ожидать, что за нею закреплено определённое видовое значение. Примеры приводимые В.С. Расторгуевой, показывают, однако, что данная глагольная форма может обозначать как длительное, так и однократное действие в будущем.

Длительное действие: *Галина Андреевна фаҳмид, ки гуфтугӯи ҷиддие мешавад*. «Галина Андреевна поняла, что будет серьёзный разговор [12,67].

Однократное действие: *Ман акнун худам ба молҳо хурок медиҳам*. «Терепь я сам дам корм скотам» [5,274].

Таким образом говоря о видообразующих функциях приставки *ме-* следует соблюдать осторожность. Она действительно образует видовые пары с различными глагольными формами прошедшего времени:

рафт-мерафт, рафтаам-мерафтаам, рафта бошам-мерафта бошам. Это значит, что значение длительности иерархически подчинено значению прошедшего времени; в плане настоящего и будущего *ме-* не является видообразующим грамматическим средством.

4. Н.Масуми с полным основанием пишет о грамматических функциях вспомогательных глаголов *истодан*, *мондан*, *гаштан*, *гирифтан* и т.д. [2] В данном случае нужно учитывать, то что роль этих глаголов в грамматической системе

таджикского глагола весьма различна. Глагол *истодан* действительно образует полный набор специальных грамматических форм в различных временах, залогах и наклонениях. Их значение сравнивалось со значением английских глагольных форм разряда Continuous [15].

Серия специальных исследований показала, что таджикские глагольные формы образуемые с помощью вспомогательных глаголов *истодан*, не совпадают по своему значению с английскими формами Continuous [4].

Было установлено, значение глагольных форм разряда Continuous шире глагольных форм с *истодан* [4]. Рассматриваемые таджикские формы служат, прежде всего, не для обозначения длительного действия определенного, отчетливо и недвусмысленно отнесенного к конкретной речевой ситуации. Именно поэтому для них выдвинут термин «определённый разряд» (хели муайян). Особо следует подчеркнуть тот факт, что «определенные» времена могут быть определенными или неопределёнными; данное соотношение проявляется, конечно, только в плане прошедшего времени. Так наряду с формой прошедшего простого (замони гузаштаи оддӣ) *хонд* и прошедшего длительного (замони гузаштаи ҳикоятӣ) *мехонд* существует форма прошедшего определенного времени (замони гузаштаи муайян) *хонда истода буд*, что совершенно убедительно указывает на несовпадении функции «длительных» и «определенных» глагольных форм в таджикском языке. Отсутствие в системе глагола литературного языка синкретической формы определенно длительного характера не меняет картины. Все эти факты можно истолковать, признав наличие категории вида в таджикском языке. Содержание этой категории резко отличается от славянского вида. Она является трехкомпонентной, маркированными оказываются два значения: длительность и определённость. Хотя такая система в чем то отдалённо напоминает систему английского глагола, и тут легко увидеть основательные различия: для английского глагола важны категориальные значения предшествования действия отмеченного момента и прохождения через отмеченную точку [10].

Существуют серьезные основания для того, чтобы вслед за И.П. Ивановой [6] квалифицировать данную категорию в таджикском языке как разряд (хел), так её значение не вполне укладывается в традиционно очерчиваемую семантику аспектуальности: определенность, актуальность, отнесенность к моменту объективного времени не согласуется с принимаемым для вида взглядом извне с характеризующим вид отсутствием дейктической, локализационной функции [9]. Следовательно, рассмотрение употребления вспомогательного глагола *истодан* «стоять» с точки зрения аспектологической теории и в сопоставление с системой английского глагола раскрывает его специфику; аналитические формы с этим глаголом раскрывает его специфику; и не имеют значения длительности; их анализ раскрывает сугубо неповторимые черты таджикского глагола, не поддающимся с помощью понятий, выработанных на материале других языков.

Что касается других вспомогательных глаголах, то их статус весьма неоднороден. Глаголы *нишастан*, *гаштан*, *хоб рафтан* являются, в сущности диалектными эквивалентными литературного *истодан* [11,92]. Глаголы *гирифтан*, *мондани* целый ряд других имеют отчетливое аспектуальное значение, но конституируют ли они грамматическую категорию требует особого выяснения.

В отношении функций модифицирующих компонентов, в составе так называемых сложно-деепричастных глаголов более или менее ясно, что они не могут рассматриваться как полностью грамматикализованные, так как они обладают ограниченной способностью сочетания, они сочетаются в основном только с темы или иными полнозначными глаголами [12, 219-278]. Другая

особенность этих полувспомогательных глаголов состоит в их многозначности. Так например, глагол *гирифтан*, который рассматривается Н. Масуми в качестве обозначающего длительность и начинательность, имеет в действительности гораздо более широкую семантику. А. Л. Керимова убедительно показала, что ему свойственны следующие значения:

а) Совершение действие с целью привлечь кого-нибудь куда-нибудь.

Дируз Комитети Марказӣ... тарҷимаи ҳол ва анкетаи ӯро талаб карда гирифт. «Вчера Центральный Комитет... потребовал его автобиографию и анкету».

б) Совершение действия в интересах субъекта:

Истед, ки ман инро ба дафтари хотираам навишта гирам. «Подождите, я запишу это в дневнике».

в) Совершения действия с акцентировкой полноты его охвата, упрочения на чем-либо или чем-либо.

Лекин бобо Хидоят... аз гиребони Мансурбой... маҳкам қапида гирифт. «Но дед Хидоят крепко вцепился в воротник Мансурбая».

г) Указания на особую активность субъекта при достижении результат действия.

Просол...(вай) барои худаи як ҳавли ҳам сохта гирифт. «В прошлом году ... (она) еще и дом себе построила».

д) Указание на краткость, мгновенность действия имеющего целенаправленный характер.

Зебӣ... ба Сафар... нигоҳ карда гирифт. «Зеби бросила взгляд на Сафара» [12, 257-261].

Если пытаться найти общее значение для тех семантических оттенков описанных Л.А.Керимовой, то совершенно очевидно, что таковыми явятся не аспектуальное значение, а значение типа индоевропейского медиального залога или картвельской субъективной версии.

Значение других полувспомогательных глаголов имеет еще более частный характер. Они не редко приближаются к акциональным но, как указывалось не являются полностью грамматиколлизированными. В первом приближении они могут быть сопоставлены с английскими глаголами типа *to come, to fall, to keep* и др., акциональные значения которых описывал Е. Крейзинга [18,225-7]. Разумеется, соответствующие английские конструкции никем не рассматриваются в качестве грамматикализированных.

Какие же заключение могут быть сделаны на основе проведенного анализа о наличии или отсутствие вида как грамматической категории в таджикском языке, о его природе?

А. В системе таджикского глагола грамматическая категория вида представлена, но по своей структуре и по своему содержанию она резко отличается от вида в славянских и германских языках.

Б. Данная грамматическая категория как структурная единица охватывает, разумеется, лишь некоторые из тех аспектуальных значений, который таджикский язык, как и другой богатый и развитый язык, способны передавать. Вместе с тем грамматические формы таджикского «вида» охватывают некоторые значения, близкие к модальным, поэтому, оставаясь в рамках теоретической грамматики памятуя о принципиальных отличиях данной грамматической категории, можно говорить о большем соответствии таджикскому языку термина «разряд» [7]. Данное соображение важно и как указание на то, что явления самой грамматической структуры каждого языка во многом индивидуальны и сопоставимы лишь на более абстрактном уровне.

В. Если иметь в виду задачи практической и школьной таджикской грамматики и учитывать все возрастающую роль русского языка, то в этом плане можно рекомендовать употребление термина «вид» для обозначения одной из грамматических категорий таджикского глагола. Но, необходимо еще раз подчеркнуть, что проблематика аспектуальности в таджикском языке требует углубленного дальнейшего изучения.

Одним из направлений последующих штудий может быть выявление конкретных грамматических значений, характеризующих те или иные группы глаголов [1].

Литература

1. Главинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского языка. М. Наука, 1982.
2. Гогошидзе В.Д. К вопросу о сравнении некоторых длительных форм в видо-временной системе английского и таджикского языков.- «УЗ Сталинабадского госпединститута», 1961, т.29, вып.13.
3. Для обсуждаемого в данной статье предмета несущественно
4. Джамshedов П.Сопоставительный анализ английских глагольных форм разряда Continuous и таджикского муайян. Душанбе, 1973; Таджикско-английские соответствия (разряды глагола). Душанбе 1973.
5. Забони адабии хозираи тоҷик, 1. Душанбе, 1973.- С.269.
6. Иванов И.П.. вид и время...; П.Джамshedов 1.Сопоставительный анализ...; Таджикско-английский.
7. Иванов И.П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961
8. Материалы к исследованию сложносоставных глаголов в современном таджикском языке.- Очерки по грамматике таджикского языка, вып.1. Сталинабад, 1953.
9. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии. В сб.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Изд-во ЛГУ, Ленинград, 1979, с.7.
10. Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. Кишинев, «Штинца», 1975, с.79-80.
11. Расторгуева В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., Наука, 1964с. 92
12. Расторгуева В.С., Керимова А.Л. Система таджикского глагола. Москва, Наука, 1964.
13. Розенфельд А.З. 1. Глагол.- Очерки по грамматике таджикского языка, вып.4. Сталинабад, 1954
14. Хамроалиев Н. Глагольный вид в современном английском и таджикском языках. Душанбе, изд-во «Дониш» 1979.
15. Яковлев И.Н. К вопросу о методике сопоставления некоторых форм глагола в английском и таджикском языках. «УЗ Сталинабадского госпединститута», 1961, т.29, вып.13.
16. Dresden M. J. The jatakastva or “Praise of the Buddhas former Births”, Philadelphia, 1995, hote 73.
17. Lazard G. La Langue de s plus ancient monuments de la prose persane. Revue eretique des texts Phonetique. Morfologiee et syntaxe. Paris. 1963? h/ 298-300/
18. Kruising E., A Handbook of Present day English/ Part II/ Noordhoff of Groningen, 1931, p.225-7/

ЧАМШЕДОВ П.

**ГРАММАТИКАИ ФУНКЦИОНАЛӢ ВА МУҚОИСАВӢ
(дар асосӣ маводи категорияи намуди феъл дар забони тоҷикӣ)**

Мақолаи мазкур ба яке аз масъалаҳои баҳсталаби категорияи намуд дар забони тоҷикӣ бахшида шудааст. Муаллиф дар асоси назарияҳо ва пажӯҳишҳои гуногун дар забонҳои эронӣ ва дигар забонҳо проблемаи категорияи намудро баррасӣ намуда ба хулоса меояд, ки вожаи «намуд» «аспект» барои забони тоҷикӣ мувофиқ нест ва ба ҷои он вожаи «разряд»-ро пешниҳод намудааст.

Калидвожаҳо: намуд, замон, категория, вазифа, маъноӣ грамматикӣ феъл.

JAMSHEDOV P.

**FUNCTIONAL AND COMPARATIVE GRAMMAR
(on category of aspect of verb in tajik language)**

The article deals with the problem of aspect in tajik language. The author analyze different views on category of aspect in Iranian and other languages and comes to the conclusion that, the pure category of aspect does not exist in tajik language and offers term “razryad” for the abovementioned language.

Key words: aspect, time, tense, tajik, Iranian, category, verb, semantic.